

III Разграничение государства и церкви как особенность Европы

проф. д-р юр.н. н. с. mult. Аксель Фрейхерр фон Кампенхаусен

Университет Геттинген и Университет Потсдам

Перевод с немецкого на русский язык выполнил Мартин Валчанов

Соотношение государства и церкви в качестве упорядоченного сосуществования светских структур общества с одной стороны, а с другой – юридически самостоятельных религиозных объединений, является характеристикой христианской Европы, т. к. только христианство привнесло юридическое различие этих двух величин. Государство Нового времени и сформировалось, начиная с 16-ого века, в ходе религиозных войн. С тех пор именно отношение к церкви является детерминантой его сущности.

Сущность государства и церкви равно как сама природа их соотношений классифицировались по-разному в разные эпохи. Единого, общепризнанного учения об их отношениях нет и по сей день. Несмотря на многообразие подходов, можно определить три основные исторические модели соотношения государства и церкви:

- Их первоначальное единство;
- Возникшее в эпохе Нового времени разделение государства и церкви, причем в идеальном случае государство рассматривает религиозные объединения также как и любые другие объединения граждан на его территории;
- Четкое разграничение области государственной и религиозной сфер при закреплении за религиоз-

ными объединениями публично-правового статуса и права на самоопределение.

Все три системы имели место на разных стадиях истории. Но чаще всего наблюдались либо смешанные, либо переходящие друг в друга типы государственно-церковных отношений.

1. Единство государства и религии в античном мире

Единство государства и религии является характерной чертой Древнего мира. Многочисленные государственные культы народов империи не отменялись ей, а только затмевались божествами Капитолия. В дохристианском мире светская община граждан и культовая община религиозных людей представляли собой одно и то же. С восходом христианской церкви стал утверждаться Бог Ветхого и Нового Заветов, который не хотел ограничиваться в своем влиянии только определенными народами и территориями. Он является Творцом всего мира и источником всякой добродетели, его заветы адресованы всему человечеству и от всего человечества ожидается подчинение ему. Таким образом и происходит обособление христианской общины (еклезиа) и гражданской общины (цивитас). Их взаимоотношения и являются предметом богословских дискуссий и по сей день.

2. Разграничение государства и религии

Универсальный характер христианства ставит конец единству государства и церкви, характерному для Древнего мира. Богословское смешение существующих форм государства и общества прекращается. Бог не является больше частью политического мира, таким образом этот политический мир и «разбожествляется». Поэтому христиане (равно как и иудеи до этого) перестали чтить местных богов римских императоров, за что и были подвержены преследованию. Они следовали

библейской заповеди подчинения Богу, нежели миру и слово Христа: «Царство Мое не от мира сего».

Конечно же христиане жили в мире, участвовали в гражданском обороте, но они имели иной центр своей жизни – это была христианская община, их место совершения богослужения. Таким образом, государство, мир политического оказались ограниченными – их сфера действия заканчивалась там, где начиналась христианская община. В этом и заключался фундаментальный разрыв с Древним миром.

В отличие от античности при христианстве мир политического не определял полностью существование человека. Язычество не могло предложить более высокого корректива человеческой воли, чем государственный закон, оно не знало большего авторитета. В противовес этому христианство учило, что есть что-то выше и важнее государства, а именно заповедь Бога, что-то вне рамок государства – это христианская община и что есть что-то важнее писаного права, а именно совесть. Исходя из этого можно утверждать, что возникновение религиозной свободы как основополагающего права человека коренится хотя бы частично в христианстве.

Одно очень известное событие может послужить наглядным примером этого основополагающего сдвига в церковно-государственных отношениях – церковное раскаяние императора Феодосия в 390-ом г, которое с него потребовала церковь и которое он был вынужден принести. В качестве наказания за беспорядки в Фессалониках он устроил настоящую резню невинных граждан – несколько тысяч было приглашено в театр и там зверски убито. Из-за неслыханной жестокости, которая даже в те времена суровых казней, потрясла всех, император, по требованию епископа Амвросия Медиоланского (правившего в 339–397 гг.), угрожавшего ему отлучением, признал свою вину и принес перед всей церковной общиной публичное покаяние.

Этот эпизод выявляет нечто очень существенное: приход христианства знаменует возросшую ответственность человека за свои поступки в политическом

и правовом полях, которая в таком виде до тех пор не существовала. Политические действия отныне влекут за собой ответственность перед Богом, перед своей совестью, а в результате этого исторического влияния христианства, сегодня и перед институтами правового государства.

Существование государства и церкви является по сей день в такой мере само собой разумеющимся, что многие не отдают себе отчета в том, что эти кардинально новые культурно-цивилизационные порядки привнесло в мир как раз христианство. Именно из этого принципа (само)ограничения политической власти и выросла идея прав человека. Мусульманский, равно как восточноазиатский мир, эту идею не знают, разве что в результате своей колониальной истории и контактов с западноевропейским влиянием. Отношения государства и церкви в их сегодняшнем виде как юридически самостоятельных единиц являются следствием утверждения христианства.

3. Мнимая религиозная терпимость в римской империи

Единство государства и церкви является на протяжении всего дохристианского мира его существенной чертой. Это проявилось не только в индивидуальной религиозности людей, но и в философских и мировоззренческих идеях. Кажущаяся веротерпимость Римской империи также не делает исключения из этого правила, а подчеркивает это единство. Многочисленные местные культы могли существовать, только потому, что они не носили универсальный характер и не угрожали почитанию римских богов, которые и были государственной религией империи. Местные культы тем более не входили в разрез с официальной римской религией – она носила скорее внешний, преимущественно ритуальный характер.

3.1 Особый статус иудеев

Нельзя сказать, что в иудаизме отсутствует связь между государством и религией, даже наоборот: религия оказала значительное влияние на Израиль. А после разрушения Иерусалима в 70 г. после н.э. иудаизм просто остался государственной религией без своего государства. Особенность иудейской веры заключалась в том, что она не допускала почитания иных богов (по заповеди Моисея). Иудаизм имел признание римской империей и право на существование в силу того, что он был национальной религией и, несмотря на некоторые успехи миссионирования, все же не считался угрозой для империи.

3.2 Вызов римским порядкам христианством

Совершенно иным было положение христианства, начавшего как иудейская секта и утвердившегося как мировой религии. Общим с иудеями был характер исключительности веры, но отсутствовала связь с конкретным народом. Христианами становились представители разных этносов. Этим разнообразием и объясняется отсутствие связи или даже зависимости этой религии от конкретного национально-политического организма. Если к этому прибавить требование служения больше Богу, нежели мирским властям, то христианство становилось в глазах империи очень подозрительным. Для христиан религиозное почитание – даже только внешне-ритуальное – императора было недопустимо. Этот отказ означал для империи непризнание христианами единства государства и религии, он считался непризнанием самого государства. Таким образом, конфликт христианства и Римской империи приобрел принципиальное значение. Как только христианство вышло из-под тени иудаизма, эмансипировалось от него, и стало по численности его превышать, начались гонения. Они означали борьбу не на жизнь, а на смерть, которая знаменовала закат империи и восход новой религии.

3.3 Перемены при императоре Константине

Как показала история последующих веков, идея государственной религии не была чужда эпохе доминирования христианства. Миланское соглашение, которое императоры Константин и Лициний заключили в 313 г., так называемый Эдикт веротерпимости, обозначил принципиально новый этап в истории государства и его отношения к религии. Впервые за христианством были закреплены правовое равенство и возмещение ему понесенных потерь. Но Константин, в империи которого христианство было поначалу меньшинством, проводил не только политику религиозной толерантности, а открыто призывал к переходу в христианство. Он поддерживал Церковь все больше, а в конце жизни и сам крестился. Он поставил начало развития, которое нашло свое историческое завершение двумя поколениями позже – при императоре Феодосии. Именно он, а не как ошибочно считается Константин, сделал из христианства государственную религию. В этом и заключалось значение Эдикта от 28 февраля 380 г., провозгласившего Никейское исповедание веры единственно правильным. Не придерживающиеся этому Эдикту, т. е. еретики, открыто подвергались дискриминации, с язычеством государство боролось безмилостно, а христианство, насаждаемое чаще всего насилием, стало единственно признаваемой религией.

Таким образом, сегодняшнее мирное сосуществование институтов государства и церкви в качестве самостоятельных единиц является результатом более чем полуторатысячелетней истории порой ожесточенного противостояния и конкурентной борьбы за превосходство.

4. Опасность возврата к смешению государства и религии

(взято из: Ганс Майер «Политическое не является божественным», газета «Рейнский Меркур» 47/2010, С. 5)

Государство и политика выявляют себя как человеческое – в радикальном смысле слова – творение. Мир политики не есть мир божества. Говоря христианским языком, мир политики в эпохе Нового времени освобождается от связывающих его до того уз, чтобы сосредоточиться на своих мирских задачах. Этим освобождением от религии и начинается собственно его история.

Таким образом, служба древней церкви молитвой и подчинением государству вытесняется совершенно иной задачей, а именно тем, что государство должно быть «разбожествлено», или же, выражаясь христианским языком, – «раздемонизировано». Тогда и происходит обособление цезаря, империи и почитания божества. Это и есть шаг к власти закона, к верховенству права, к контролю со стороны государства. Многим, особенно нехристианским, в частности языческим, наблюдателям это обособление кажется кощунством. В их глазах христиане недостаточно заботятся о своей религии, о делах Бога.

Но и сами христиане достаточно медленно и неохотно расставались с прежним политико-религиозным мышлением. Это подтверждается регулярными – со времен императора Константина – возвратами к такой же – только теперь с христианской окраской – римской и прочей имперской идеологии. Слишком великим являлось искушение вновь соединить в одно небо и землю под предлогом «Бог так хочет», вовлечь вновь Бога в земные конфликты. И вообще: светскому миру всегда (и до сих пор) требовалось подтверждение своей правоты Божественными установлениями. Часто и в современном мире видна ностальгия, происходит возврат к мифическому смешению этих двух начал. Это подтверждает и так называемая «гражданская рели-

гия». Имеет место отход от христианского принципа освобождения мира. Для многих все еще существует иллюзия и ожидание того, что Христос является «упорядочителем мира», а не его освободителем.

И все же: история христианства есть история продолжающегося вытеснения всякого рода «политических теологий».

Возвратится ли на исходе Нового времени античная теополитика? В 1929 г. Герман Геллер написал пророческие слова: «Поистине тоталитарным государство может стать путём соединения воедино государства и церкви, но этот возврат к античности возможен только радикальным отвержением христианства». Ерик Фёгелин и Раймонд Арон называли насильственные режимы XX в. – коммунизм, фашизм, национализм – «политическими религиями». Они усмотрели в попытках внедрения псевдорелигиозного измерения политического порядка параллели с античным миром. При этом тоталитарные диктатуры выявляют извращенный вид христианства, оставляя только его внешнюю сторону, дисциплину и принуждение. Расправа с инакомыслием, борьба с отпавшими от «классического учения», установление своеобразных «инквизиционных трибуналов» очень имитируют пройденный этап церковной истории.

Не случайно, что современные насильственные режимы устанавливают культы личности и апофеоз «погибших героев», обожествляют «вождя и учителя». Можно вспомнить и о мавзолее Ленина, этом своеобразном «пантеоне», и его, по сути, религиозно-культурное почитание даже до сегодняшнего дня, выходящее за пределы России. Можно вспомнить и о таких же религиозно-культурных актах Гитлеристской Германии, почитающей своих „героев“.

Может показаться, что это всего лишь прошлое, и что «политических религий» не допустит память об ужасах тоталитаризма, которая еще слишком жива и близка. Однако «вновь обожествленное государство» остается по-прежнему угрозой – тем более в условиях постатеистического, постхристианского религиоз-

ного вакуума. Повсюду, где христианское различие и разделение властей ставится под сомнение, государство поднимается в ранг самодержца, единственной и последней инстанции, в ранг власти обслуживающей самой себя. Всесильное и всевидящее государство и является частью «мира без христианства».